

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

ШМАЛЬШТИГ У. Р.

ЭРГАТИВНОСТЬ В ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ КОНСТРУКЦИЯХ СО СКАЗУЕМЫМ В ФОРМЕ АОРИСТА МЕДИИ

Представленная в настоящей работе концепция индоевропейской эргативности существенно отличается от ранее высказывавшихся точек зрения по этому вопросу. На наш взгляд, все типологические параллели и сопоставления, проводившиеся до сих пор индоевропейцами, имеют один недостаток: они обычно ограничены типологией хорошо известных языков, прежде всего индоевропейских. Например, данные сравнительно-исторического языкознания указывают на возможность постулировать для праязыка два ряда смычных — лабиовелярные и палатальные. Многие авторы это кажется типологически неправдоподобным. Однако, как отмечает Ф. Кортландт, «одновременное наличие палатальных и лабиовелярных на фоне отсутствия собственно велярных характерно для ряда языков мира; это явление отмечается, например, в кавказских языках (кабардинский, убыхский) и в языках североамериканского тихоокеанского побережья (квакиутль, белла-белла). Лучшее знакомство с малоизученными языками могло бы помочь индоевропейцам избежать многих необоснованных выводов и заключений» [1, с. 237].

Если какое-то явление не засвидетельствовано ни в одном языке, этого еще недостаточно, чтобы признать его принципиально невозможным. Ф. Планк [2, с. 21] указывает, что в языках Африки, за исключением семитохамитских, совершенно не представлена эргативность. Для существования некоторого явления, однако, неважно, в каком количестве языков оно представлено: факт использования языка не имеет ничего общего с языковой структурой как таковой. Существование живого языка зависит от наличия некоторой группы людей, пользующихся этим языком. В современной Западной Европе на эргативном языке говорит всего один народ — баски. Но ведь вполне возможно, что до вторжения сюда предков индоевропейцев на ее территории был распространен не один эргативный язык. Таким образом, нет оснований полагать, что номинативные языки более адекватны человеческому мышлению, чем эргативные.

На наш взгляд, праиндоевропейский синтаксис на ранней стадии типологически был сходен с синтаксисом современного грузинского языка, например, в том, что оформление субъекта и объекта зависит от времени и вида глагола. Мы полагаем, что и.-е. активная конструкция развивается из антипассивной конструкции с глаголом-сказуемым в форме презенса (или несовершенного вида). В последней имя субъекта оформляется номинативом, имя объекта — дативом, из которого и развивается в дальнейшем аккузатив. И.-е. медиопассив возникает из эргативной конструкции с глаголом-сказуемым в форме претерита (или в форме совершенного вида). В этой конструкции имя субъекта стоит, соответственно, в эргативе, а имя объекта — в номинативе. Мы не касаемся здесь системы перфектных времен и.-е. языков, однако есть основания полагать, что в и.-е. праязыке, как и в грузинском, существовали различные способы передачи субъектно-объектных отношений в предложении со сказуемым в форме перфекта. Можно отметить, в частности, сочетаемость и.-е. дати-ва деятеля не только с причастными, но и с финитными формами глагола: ср. в греч. *ē méga érgon huperphialōs etélestē Tēlemákhō hodōs hēde* «Дело великое сделал, так смело пустившись /В путь, Телемах» (Одиссея,

IV, 663—664). Согласно Э. Швицеру [3, с. 15—16], здесь на самом деле перед нами дательный заинтересованного лица, особенно характерный для перфекта пассива [ср. греч. ...*Dēmódokōn laóisi tetiménōn* «...с певцом Демодокосом, /Чтимым в народе» (Одиссея VIII, 472)]. Конечно, подобные факты могут показаться недостаточными; однако предположение о том, что в конструкциях с перфектом выступал именно дательный деятеля, не лишено здравого смысла. И.-е. причастия на *-to ведут себя синтаксически как эргативные, а ведь эти причастия соотносятся с древнеиндийскими и древнегреческими формами 3-го л. ед. ч. аориста меди. Именно на этом основании можно предположить, что в праиндоевропейской конструкции со сказуемым в форме претерита медиопассива были эргативными. Рассмотрим следующую систему форм:

А. Антипассивная конструкция (> активная конструкция)		Эргативная конструкция (> медиопассивная конструкция)
презент	1-е л. ед. ч. *pek ^w -om	—
	2-е л. ед. ч. *pek ^w -es, -et	—
	3-е л. ед. ч. *pek ^w -et, -es	—
претерит	1-е л. ед. ч. —	*pek ^w -(t)é/ð(i)(r)
	2-е л. ед. ч. —	*pek ^w -(t)é/ð(i)(r)
	3-е л. ед. ч. —	pek-(t)é/ð(i)(r)

Прочерк означает, что на ранней стадии развития праязыка соответствующих глагольных форм еще не было.

Остановимся особо на одной существенной характеристике языкового состояния, обозначаемого здесь как А. Глагол в презенте согласуется по лицу с подлежащим (ср. 1-е л. ед. ч. *pek^w-om «я пеку»). Первоначально форма *pek^w-es употреблялась при подлежащем — одушевленном имени, форма *pek^w-et при неодушевленном. Затем это противопоставление форм переосмысливается, и форма *pek^w-es начинает употребляться преимущественно со 2-м л. ед. ч., а форма *pek^w-et — с 3-м л. ед. ч. В небольшом числе случаев наблюдается обратное соотношение форм (ср. тох. А: 2-е л. ед. ч. *pālkāt* «сияешь», 3-е л. ед. ч. *pālkāš* «сияет»). Полное совпадение всех претеритных форм, выступавших в эргативной конструкции предложения, указывает на то, что согласование здесь исходно отсутствовало. Согласования по роду и числу первоначально не было; позднее этот тип согласования возникает в формах, превращающихся в прилагательные или в причастия на *-to.

Антипассивная конструкция с глаголом-сказуемым в презенте, по-видимому, выглядела так: А(1) *mater¹ pek^w-et ovi-m «мать (абс.) запекает (неперех.) баранину (дат.-лок.)». Эргативная конструкция с глаголом-сказуемым в претерите, вероятно, имела вид: А(2) *ovi pek^w-tō mātros «баранину (абс.) приготовила (неперех.) мать (эрг.)»; А(3) — *medhu pek^w-tō vīros «мед (абс.) сварил (неперех.) [этот] человек (эрг.)»².

¹ В других наших работах [4; 5, с. 32] высказывается предположение о том, что еще в праязыке, в определенных условиях, имело место сокращение дифтонгов и упрощение последовательности «гласный — сонант». Так, в начале слова *-er и *-om не менялись в сандохальной позиции перед гласным, но переходили соответственно в *-ē и *-ō в сандохальной позиции перед согласным. Иначе говоря, первоначально выбор алломорфа автоматически определялся структурой последующего слова: *-er, *-om появлялись в том случае, если это слово начиналось с гласного, а *-ē и *-ō — если оно начиналось с согласного. В дальнейшем противопоставление алломорфов приобрело содержательный характер, ср. др.-инд. ном. ед. ч. *mātā* «мать», вок. ед. ч. *mātāḥ*; литов. ном. ед. ч. *motė* «женщина», греч. вок. ед. ч. *m-ter* «мать» (в греч. *m-ter* конечное -r появляется по аналогии с другими падежными формами). Долгота гласного стала у соответствующих имен дополнительным признаком номинатива ед. ч.; затем этот признак аналогически распространился и на другие члены, ср. др.-инд. *pāt* «нога» [5, с. 42]. Предложение А (1) относится к тому времени, когда описанные фонологические процессы еще не были доведены до конца, в частности, до разделения форм номинатива и вокатива, восходящих к форме абсолютива.

² Иногда считают, в так называемых смешанных эргативных языках, т. е. в языках с чертами эргативности и номинативности, эргативно-аккузативный, или смешанный, характер падежной морфологии сам по себе уже определяет наличие как эргативной, так и номинативной конструкций предложения.

Заметим, что наше представление носит достаточно обобщенный и схематичный характер, поэтому мы не останавливаемся специально на вопросе о порядке слов в реконструируемых предложениях. В трех приведенных предложениях глагол непереходен. На наш взгляд, на ранней стадии индоевропейского непереходными были все глаголы. Итак, подлежащее в рассматриваемых предложениях выражено именем в абсолютиве, сказуемое — непереходным глаголом. Важнейшими элементами всех трех предложений являются два первых по порядку слова. Второе имя в A(1) первоначально являлось обстоятельством дополнением, в A(2, 3) — агентивным дополнением. A(1) трактуется как конструкция с непереходным глаголом, поскольку прямое дополнение — имя в аккузативе — здесь отсутствует, а глагол управляет косвенным дополнением. Кроме того, **pek^w-et* в A(1) можно описывать как глагол несовершенного вида, а глаголы этого вида по природе своей не сочетаются с аккузативным прямым дополнением. Что касается A(2, 3), то они признаются конструкциями с непереходным глаголом постольку, поскольку подлежащее и сказуемое могут выступать здесь самостоятельно, без сопутствующего имени деятеля. Имя деятеля в A(2, 3) вторично и не является главной, или центральной, составляющей предложения. Возможно, в таких конструкциях деятель фактически соотносится с посессором (ср. [6, 7]).

Рассмотрим следующий этап языкового развития

В. Активная конструкция (< антипассивной)	Медиопассивная конструкция (< эргативной)
презенс 1-е л. ед. ч. <i>*pek^w-ō</i> (<i><*om</i>) ³ или <i>*pek^w-om-i</i>	<i>*pek^w-(t)ē/ō(r)(i)</i>
2-е л. ед. ч. <i>*pek^w-es-i, -et-i</i>	<i>*pek^w-(t)ē/ō(r)(i)</i>
3-е л. ед. ч. <i>*pek^w-et-i, -es-i</i>	<i>*pek^w-(t)ē/ō(r)(i)</i>
претерит 1-е л. ед. ч. <i>*pek^w-om</i>	<i>*pek^w-(t)ē/ō(r)(i)</i>
2-е л. ед. ч. <i>*pek^w-es, -et</i>	<i>*pek^w-(t)ē/ō(r)(i)</i>
3-е л. ед. ч. <i>*pek^w-et, -es</i>	<i>*pek^w-(t)ē/ō(r)(i)</i>

Реконструируемая претеритная медиопассивная форма представлена в древнегреческом формой 3-го л. ед. ч. модального аориста на *-to*, в древнеиндийском — соответствующей формой на *-ta*. Первоначально субъектное согласование по числу и роду отсутствовало, как можно видеть из следующих примеров: укр. *батька убито*, литов *rugiai pjauta* «рожь (мн. ч. м.р.) сжата (ср.р.)» [8, с. 204—205]. Отметим, что в балтославянских языках причастный показатель среднего рода единственного числа соответствует древнегреческому и древнеиндийскому окончанию аориста медиа.

Г. Хирт пишет: «3-е л. ед. ч. медиа так называемого корневого аориста имеет окончание *-to*. Формы так называемого сильного аориста в древнегреческом, корневого аориста в санскрите можно сопоставить с причастиями на *-to*: др.-инд. *ākṛta; kṛtās* «сделанный»; др.-инд. *avṛta; vṛtās* «избравный»; др.-инд. *ārta; ṛtās* «посланный»; др.-инд. *amṛta; mṛtās* «умерший»; др.-инд. *asṛta; sṛtās* «выиграть»; др.-инд. *ajukta; juktās* «запрягать»; др.-инд. *amaṭa* «думать»: *matās*; др.-инд. *apṛkta* «смешивать»: *prkṛtās*; др.-инд. *abhakta* «делить»: *bhaktās*; др.-инд. *vikta* «дрожать»: *viktās*; др.-инд. *aspraṣṭa; spraṣṭas*; др.-инд. *asṛṣṭa* «освободить, отпускать»: *sṛṣṭās*; греч. *ētheto*; др.-инд. *adhita*; греч. *thetós*, др.-инд. *hitās*; др.-инд. *āsthita; sthitās* от *sthā* «стоять»; др.-инд. *astṛta; astṛtās* «непреодолимый»; др.-инд. *agṛta*:

³ Первоначально **-ō* и **-om* были вариантами. Затем окончанием **-om* стала регулярно оформляться форма 1-го л. ед. ч. претерита, а окончанием **-ō* — 1-го л. ед. ч. презенса. Оснований предполагать, что в **-ō* мог присутствовать ларингальный, нет; это окончание — формы актива, в отличие от хеттского *-(h)ha*, являющегося окончанием медиопассива.

gūrtās «приветствованный», лат. *grātus*; др.-инд. *agata: gatās*, греч. *batós* «ушедший»; др.-инд. *āvṛkta* «свертывать»: *vṛktās*; др.-инд. *asakta* «зацепляться, прилипнуть»: *sāktās*; др.-инд. *amatta* «радоваться»: *mattas*. Сюда же относятся греч. *éphato: phatós; ksūneto : hetós*; греч. *éssuto*; др.-инд. *čjutās*; (греч.) *lékto : lektós*; далее венет. *zoto*; греч. *dotós*, лат. *datus*; гот. *stōþ*, др.-в.-нем. *stuot*; греч. *statós*, лат. *status*, др.-инд. *sthitās*; греч. *egéneto*; лат. *genitus*; ст.-слав. *pitā*; др.-инд. *pītās* и т. п.; (греч.) *plēto*; лат. *com-plētus*, др.-инд. *pūrtās*; греч. *éphthito*; др.-инд. *kṣitās*; греч. *ékhto*; др.-инд. *hutās*; греч. *biēto: blētós* и т. д.» [9, с. 102].

Теперь вернемся к интерпретации тех языковых изменений, которые имели место на выделенной выше стадии В. Первый шаг на пути к становлению активной конструкции в претерите был связан с тем, что новые формы несовершенного вида (**pek^w-et-i*) начали выражать идею настоящего времени, а старые формы, соответственно, стали функционировать как претеритные. Инъюнктивное употребление этих форм в древнеиндийском, где они могут выражать будущее время, выступать в повелительном наклонении и в опативе, сохраняется еще с той стадии, когда они не начали функционировать как претеритные [10, с. 298]. В древнеиндийском, древнегреческом и в некоторых случаях в армянском аугмент (3-е л. ед. ч. имперфекта) закрепляет формы типа **e-pek^w-et* > *a-pac-at* в функции претерита.

Итак, в активе начинают различаться презенс и претерит, причем под действием аналогии разделение на презенс и претерит происходит и в форме медиопассива. Помимо этого, в системе медиопассивных форм, также под влиянием форм актива, развивается личное субъектное согласование. Первоначально же медиопассивные формы либо вообще не подчинялись правилам согласования, либо согласовывались с субъектом только по роду и числу. Возникают личные формы медиопассива: ср. греч. 1-е л. ед. ч. *phér-om-ai*, 2-е л. ед. ч. *phérei* < **-es-ai*, 3-е л. ед. ч. *phér-et-ai* (конечное *-ai* замещает позицию исходного **-oi* [11]). В древнеиндийском исходное **-oi* сохраняется: на него не накладывается показатель лица (ср. 1-е л. ед. ч. *bhár-e*). Что касается форм 2-го и 3-го л. ед. ч. *bhár-as-e* и *bhár-at-e*, то они точно соответствуют приведенным греческим. Соответствующие латинские формы — либо пассивные, либо депонентные. Так, в *reg-or* «мною правят» на исходное **-or* накладывается долгота конечного гласного активной формы 1-го л. ед. ч. (*reg-ō*). Форма 2-го л. ед. ч. *reg-er-is* возникает из сложения **-er* (ступень аблаута на *e*) и **-es* (ср. соотносительную форму актива *reg-is*). Форма 3-го л. ед. ч. *reg-it-ur* образована из активной (*regit*) присоединением **-or*. Медиальные показатели презентной серии в тох. А: 1-е л. ед. ч. (*trāmke*) *mār* «я говорю», 2-е л. ед. ч. *-tār*, 3-е л. ед. ч. *-tār* или *-trā*; в тох. В: 1-е л. ед. ч. (*kolok*)-*mar* «я следую», 2-е л. ед. ч. *-tār*, 3-е л. ед. ч. *-tār* или *-trā* [12, с. 262].

По-видимому, все эти показатели происходят от сложения формантов *-m* (1-е л.) или *-t* (непервое лицо) и одного из вариантов **-(ō)r* (**-ōr*, в свою очередь, происходит из **-ō* < **-or* в преконсонантной сансхальной позиции в исходе слова и **-or* в соответствующей превокалической позиции [4, с. 104; 5, с. 32]). Вопрос о происхождении хеттского показателя 1-го л. ед. ч. медиа *-ha(ri)* остается неясным. Что касается хеттских показателей 2-го и 3-го л. ед. ч. [соответственно *-ta(-ri, -ti)* и *-a(-ri, -ta(-ri))*], то они восходят к суф. **-o* или **-to* с наращением *-ri* или *-ti* [13, с. 165].

Древнеирландский депонентный показатель абсолютной формы 1-го л. ед. ч. представлен, например, в *midí-ur* «я сужу», причем *-ur* имеет ту же этимологию, что и лат. *-or*. Показатель 2-го л. ед. ч. (ср. *suidig-ther* «ты помещаешь») происходит из **-te* плюс **-r* (хотя обычно его связывают с древнеиндийским *-thās* < **-thēs*), в показателе 3-го л. ед. ч. (ср. *suidig-dir*) также представлен исходный элемент с дентальным смычным и **-r* [14, с. 365—368]. У. Коугилл [15, с. 67] показывает, что различие между показателями абсолютных и конъюнктивных ирландских форм не следует считать продолжением противопоставления первичных и вторичных глагольных показателей в индоевропейском.

Помимо депонентных форм, в древнеирландском имеется следующая парадигма пассивных форм настоящего времени:

Ед. ч.		Мн. ч.
1-е л. <i>no-m-charthar</i>	«я любим»	<i>no-n-carthar</i>
2-е л. <i>no-t-charthar</i>		<i>no-b-carthar</i>
3-е л. <i>carth(a)ir, .carthar</i> (по [14, с. 349]).		<i>carth(a)ir, .cartar</i>

На наш взгляд, приведенные пассивные формы также восходят к медиопассивным, реконструируемым здесь для стадии В. Поскольку мы исходим из того, что согласование по лицу первоначально отсутствовало, единственный вопрос заключается в том, почему формы 1-го и 2-го лица множественного числа были вытеснены формами единственного числа.

Готские формы 1-го и 3-го л. ед. ч. пассива настоящего времени (*nasj-ada*) восходят к форме 3-го л. ед. ч. и.-е. медиального перфекта [16, с. 42 и сл.]; что касается готской формы 2-го л. ед. ч., *nasj-aza*, то в ней, несомненно, появляется -s. В древнеармянском формы пассива настоящего времени образуются по совершенно иному принципу — с гласным основы -i-: ср. *var-i-m* «я ведом» vs. *var-e-m* «я веду» [17, с. 47].

Итак, презентные медиопассивные формы складываются по аналогии с презентными активными; претеритные же формы медиопассива, соответственно, испытывают влияние форм претерита актива. Так, медиопассивные претеритные показатели 1-го и 2-го л. ед. ч. развиваются по аналогии с показателями претерита 1-го и 2-го л. ед. ч. актива.

Древнеиндийский аористный медиопассивный показатель 1-го л. ед. ч. (*ad-i* [18, с. 71]) восходит, вероятно, к *-i, одному из медиопассивных показателей, восстанавливаемых для форм всех лиц. Древнеиндийский аористный медиопассивный показатель 2-го л. ед. ч. (*adi-thās*), несомненно, складывается из сочетания *-ta (<*-to) с показателем актива 2-го л. ед. ч. -as (<*-es); для прочих древнеиндийских форм 2-го л. типична аспирация. Ср. в маратхи: *Tū pustak vācal-ē-s* «ты (инстр., ед. ч.) прочел (-ē- — показатель объекта, -s — показатель субъекта) книгу (ном.-акк., ед. ч.)» (по [19, с. 123]). В этом предложении -ē- указывает на средний род объекта *pustak* «книга», а -s согласует глагол с местоимением 2-го л. ед. ч. *tū* «ты». Аналогично, в древнеиндийском *-tha (<*-to плюс аспирация) могло выступать как показатель объекта, а -as (<*-es) — как показатель субъекта.

Подчеркнем, что даже традиционные сравнительные грамматики не связывают древнегреческую форму аориста медиа 2-го л. ед. ч. *édou* (<*-edo-so) с древнеиндийской; здесь налицо аналогия с древнегреческой же формой 3-го л. ед. ч. *édo-to*. В работе [20, с. 27] делается попытка показать, что греческий пассив 2-го л. ед. ч. *e-dó-thē-s* буквально совпадает с др.-инд. *á-di-thā-s*. На наш взгляд, пассивное значение формы возникает скорее в связи со стативностью и.-е. *-ē- и в связи с пассивным употреблением непереходных глаголов [19, с. 224]. В принципе возникновение пассива, отличного по форме от медиопассива, — явление довольно позднее. Так, Э. Швицер [21, с. 224] указывает, что «в древнегреческом и на ранних стадиях развития индоарийских языков формы медиа имели более широкое пассивное употребление». Греческий показатель 1-го л. ед. ч. аориста медиа [(*ed-*)*ōm-ēn*] — совершенно новый по происхождению и не имеет ничего общего с древнеиндийским (*ad-*)*i*.

Латинские формы имперфекта пассива (1-е л. ед. ч. *regēbar* «я был управляем», 2-е л. ед. ч. *regēbāris*, 3-е л. ед. ч. *regēbātur*) явно образуются на основе презентных форм. У И. Фридриха приводятся следующие хеттские формы претерита медиопассива: *ar-tat* «стоял», *kiš-at* «превратился, стал», а также *ija-ttati* «ты пошел» и *kiš-ati* «он превратился, стал» [22, с. 109—110]. Эти формы также образованы при помощи показателя *(t)o и претеритного окончания -t или -ti. Соответствующая хеттская форма 1-го л. ед. ч. (ср. *ar-ḥaḥat* «я стоял») образуется сочетанием -ḥa и показателя претерита *-t.

Как можно ожидать, тохарские формы претерита медиопассива 3-го

л. ед. ч. также происходят от форм на *-to [12, с. 260]; ср. тох. В: *kautā-te*, тох. А *kota-t* «он раскололся». Соответствующие формы 2-го л. ед. ч. (тох. В *kautā-tai*, тох. А *kot-te*) происходят от сложения форм на *-(t)o с формами 1-го л. ед. ч. (тох. В *kautā-mai*, тох. А *kot-e*). Можно заметить, что показатели 1-го л. ед. ч. скорее всего не восходят к какому-то одному источнику. В [12, с. 260] тох. В -*mai* сопоставляется с греч. окончанием медиопассива -*mai*; однако греч. показатель может восходить к *-*moi*. К тому же в греческом этот показатель презентный, тогда как тохарский показатель — претеритный. В Краузе сопоставляет тох. А -*e* с др.-инд. тематическим (*bhar-*); в обоих языках показатели могут быть рефлексами *-*oi*.

Вопрос о происхождении претеритных окончаний в армянском весьма сложен и пока остается неясным; мы не останавливаемся на нем в этой работе. Что касается древнеирландского, то в релятивной абсолютной форме претерита пассива 3-го л. ед. ч. (сильного) глагола *breth(a)e* «рожден», по-видимому, представлено и.-е. *-*tos*, а в конъюнктивной форме 3-го л. мн. ч. **bretha*, возможно, представлено окончание мн. ч. ж. р. *-*tās* [14, с. 440; 20, с. 55]. Обращает на себя внимание тот факт, что согласование в этих формах идет не по лицу, а по роду и числу.

Вопрос о происхождении медиопассивных и пассивных показателей в и.-е. языках, несомненно, крайне сложен, и мы ограничились здесь лишь беглым обзором некоторых возможностей, возникающих на этом пути. Вообще же проблема возникновения медиопассивных и пассивных показателей в каждом из упоминавшихся здесь языков могла бы составить тему отдельной монографии⁴.

В целом, мы полагаем, что формирование и.-е. глагольной системы следует трактовать не как результат фонетического упрощения и распада очень сложных морфонологических показателей, а как результат соединения нескольких морфем минимальной длины (миниморфем). В принципе, конечно, возможны оба названных процесса — и соединение в одной форме нескольких миниморфем, и фонетическое опрощение морфем-«монстров». Обычно постулируют выпадение тех или иных элементов в составе сложных и длинных морфонологических комплексов. Подобный подход представляется более адекватным, поскольку он позволяет оперировать достаточно четкими морфонологическими правилами. Тем не менее нет никаких оснований считать, что описание исторических изменений, выполненное в русле такого подхода, в силу своей простоты адекватнее отражает реальные процессы изменения языка.

Рассмотрим теперь изменения, происходящие на стадии В с предложениями А (1—3). Вероятно, на новой стадии развития предложение типа А(1) начинает интерпретироваться следующим образом: В(1) **māter pek^w-et ovi-t* «мать (ном. ед. ч.) запекает (перех.) баранину (акк. ед. ч.)». Иначе говоря, переход от антипассивной конструкции к активной создает возможности для формирования класса переходных глаголов. При этом: 1) абсолютив переосмысливается в номинатив, 2) непереходный глагол становится переходным, 3) датив — локатив переосмысливается в аккузатив.

С переходом антипассивной конструкции в активную вторая из рассмотренных здесь конструкций (эргативная) превращается в пассивную. Соответственно, В(2) **ovi pek^w-to mātros* «баранина (ном. ед. ч.) запекается (пасс.) матерью (ген. деятеля)»; В(3) **medhu pek^w-to vīros* «мед. (ном. ед. ч.) варится (пасс.) [этим] человеком (ген. деятеля)».

В лингвистической литературе уже отмечалось, что и с х о д н а я конструкция предложения эргативных языков соотносится с производной конструкцией аккузативных и наоборот. В ходе истории и.-е. языков антипассивная конструкция, первоначально являвшаяся производной, приобретает статус исходной, в то время как первоначально непроизводная

⁴ Поскольку презенс медиопассива происходит от претери медиопассива, претеритные показатели одного языка могут соответствовать презентным другого. Так, в хеттском презентное медиопассивное -*a* (-*ē-a* «сидит») соответствует древнеиндийскому имперфектному медиопассивному (*adhih-a* «доил»); оба они, в свою очередь, восходят к *-*o*.

эргативная конструкция предложения переосмысливается как производная — пассивная.

Что касается глагольных форм на **-to*, то их развитие идет двояко: они либо начинают выступать в составе новой глагольной парадигмы, на основе которой и складывается система и.-е. медиопассивных (а в некоторых языках собственно пассивных) форм, либо полностью адъективируются. Там, где формы на **-to* превращаются в чистые прилагательные, никакого переосмысления конструкции предложения не происходит и сохраняются первоначальные грамматические отношения. Это подтверждается материалом ряда современных и.-е. языков. Там же, где антипассивная конструкция переходит в активную, эргативная конструкция со сказуемым — непереходным глаголом в некоторых случаях превращается в пассивную.

Может быть два источника возникновения в языках пассивных форм: пассивные формы либо представляют собой переосмысленные формы исходно непереходных глаголов, либо происходят от переходных глаголов в возвратной форме. Факт происхождения и.-е. пассива от медиа или медиопассива известен лингвистике уже давно [23, с. 281]. Во многих современных и.-е. языках сохраняется причастный пассив (ср. франц. *les livres sont vendus*, русск. *книги были проданы*) и может одновременно существовать более новая пассивная форма с возвратным показателем (ср. соответственно франц. *les livres se vendent* и русск. *книги продаются*).

При причастиях на **-to* мог употребляться генитив деятеля, что подтверждается, в частности, следующими примерами: др.-инд. *pātyukḥ kṛitā saī* «женихом (ген. ед. ч.) купленная (ном. ед. ч., ж. р.) невеста (ном. ед. ч., ж. р.)»; лат. *attonitus serpentis* «пораженный змеем (ген.)»; греч. *Diódotos* «данный Зевсом» [ср. морфологически соответствующее литов. *diðvo diotas* «богом (ген.) данный»]. В ст.-слав. *убьенъ отъ Ярославъ* «убит Ярославом» предлог *отъ* появляется относительно поздно; он служит здесь для уточнения функции генитива, первоначально оформлявшего имя деятеля без предлога [24; 25, с. 176—178].

В работе [3, с. 14] особо выделяется употребление *genitivus auctoris* при отглагольных прилагательных и пассивных причастиях в греческом, литовском, армянском и тохарском; эта падежная форма отождествляется с *genetivus possessivus*. Несмотря на доводы, приводимые в [3, с. 29—42], мы склоняемся к мнению, что сочетание греч. *hupō* с генитивом свидетельствует о более раннем употреблении этой формы в функции имени деятеля, ср. греч. *ei tis etimāto hupō toū dēmoi* «если кто и был почитаем народом» (ген. ед. ч.) (Ксенофонт, «Греческая история», 2, 3, 15). По-видимому, аналогичным образом обстоит дело и с сочетанием *apō* с генитивом (ср. *er-rákhthē ap' aulōn oudén*) «ничего ими (ген. мн. ч.) не было сделано» (Фукидид, I, 17). Даже если употребление генитива деятеля (причем дополнительно маркированного предлогом) при греческих финитных формах не отражает первоначального состояния и.-е. синтаксиса, об этом состоянии, несомненно, свидетельствуют конструкции с прилагательными.

В связи с изложенной здесь концепцией могут возникнуть два вопроса. Во-первых, если и.-е. номинатив происходит из абсолютива, то почему некоторые имена в номинативе оформляются показателем *-s* (ср. **vīros*). Во-вторых, если аккузатив на **-m* происходит от какого-то местного падежа или от бенефактива, то почему **-m* не представлено в именах среднего рода (ср. **medhu*). Начнем с обсуждения второго вопроса.

Там, где возникает пассивная конструкция, возникают и возможности ее «активизации» [26, с. 15], т. е. переосмысления в активную. При этом подлежащее пассивной конструкции начинает выступать уже как дополнение при активной форме глагола. В [27, с. 20—21] это явление обсуждается на материале ряда языков мира; там, в частности, приводятся примеры из северных русских говоров [ср. *у волков* (ген. мн. ч.) *тут корову* (акк.) *съедено*, т. е. «корова съедена волками» = «волки съели корову»]. Ср. также литер. русск. *эту башню видно издалека* или польск. *pracę rozpraczuja się o ósmiej* «работа (акк.) начинается в 8 часов».

Таким образом, у предложения типа В(3) **medhu pek^u-tó* «мед сварен»

могло возникнуть и другое толкование — «(кто-то) сварил мед». Иначе говоря, форма *medhu* из ном. ед. ч. могла быть переосмыслена в акк. ед. ч. Черты подобной многозначности падежных форм имеются в древнегреческом, ср. *tò d' ephélketo mélinon éghkhos* «и ясенный дрот (ед. ч. ср. р.) волочился» (Илиада, XIII, 597). В работе [21, с. 237] указывается, что это предложение может иметь несколько толкований: а) «и ясенный дрот [сам по себе] волочился»; б) «...был влеко»; в) «[некто] волочил ясенный дрот за собой». Если принять толкования (а) и (б), то имя среднего рода *meílinon éghkhos* «ясенный дрот» будет трактоваться как имя в форме номинатива ед. ч., если же согласиться с толкованием (в), то следует признать, что это имя стоит в аккузативе.

Таким образом, существовало две возможности интерпретации имен среднего рода в предложении. Поскольку же имена среднего рода (в большинстве своем — неодушевленные) обладают очень невысокой потенциальной агентивностью, в показателе прямого дополнения *-*t* у этих имен не было особой необходимости. По аналогии с конструкцией, допустимой первоначально в претерите, прямое дополнение «активизированной» пассивной конструкции стало оформляться так же, как прямое дополнение собственно активной конструкции со сказуемым в форме претерита. Затем действие аналогии вышло за рамки претерита и распространилось на презентные конструкции, как активные, так и медиопассивные. В связи с этим стали возможны конструкции типа C(1) **māter pek^o-et-(i) medhu* «мать (ном. ед. ч.) варила (варит) (перех.) мед (акк. ед. ч., ср.)».

Согласно [10, с. 173], в дочерних и.-е. языках древние атематические имена среднего рода довольно редки. Так, в др.-инд. *yugāt* «ярмо» -*t* первоначально был суффиксом, однако в дальнейшем, в силу сходства с формами аккузатива ед. ч. имен мужского (и женского) рода на *-*o-*, *yugāt* стало склоняться по образцу этих одушевленных имен. Таким образом, нет надобности полагать, что в праиндоевропейском имена среднего рода в номинативе или в аккузативе вообще имели какое-либо ненулевое оформление. Как правило, аккузатив имен одушевленных (мужского и женского рода) маркировался суффиксом *-*t*, а аккузатив имен неодушевленных (среднего рода) — нулем.

Некоторую параллель этому можно усмотреть в чанском (лазском) диалекте занского языка (южный Кавказ). Согласно работе Г. А. Климова [28, с. 78], накануне распада общекартвельского праязыка морфема *-*s* выступала как грамматический показатель косвенного падежа во всех сериях времен, а также как показатель прямого объекта в первой (презентной) серии времен. В результате разнообразных изменений, в целом приведших к существенной номинативизации чанского, в современном языке возникло два варианта аккузатива: один показатель аккузатива восходит к показателю номинатива, другой — к *-*s*. При этом второй из названных алломорфов появляется при именах, подчиненных весьма ограниченному классу глаголов, управляющих одушевленным объектом. Например, *kaṭu-k toṣangu Aḫmedi-s* «кошка (эрг. > ном.) оцарапала Ахмеда (дат. > акк.)» [29, с. 153].

Рассмотрим теперь первый из поставленных выше вопросов. Поскольку выдвигается предположение о том, что номинатив в и.-е. языках происходит из абсолютива, следует найти удовлетворительное объяснение происхождению форм сигматического номинатива. Здесь снова можно обратиться к чанскому материалу, позволяющему проследить некоторые типологические параллели. В чанском показателе номинатива может быть как -*k*, так и 0. Ср. *berē imṭu* «парень убежал» и *berē-k ibgaru* «парень (эрг. > ном.) заплакал» [28, с. 154]. Можно предположить, что в и.-е. у одних имен в номинатив превращается эргатив (=генитив)⁵, а у всех прочих имен форма номинатива возникает из формы абсолютива.

Факт развития сигматического номинатива ед. ч. из сигматического генитива ед. ч. объясняет совпадение этих падежных форм в хеттском (ср. *antuhšaš* «человек», ном.-ген. ед. ч. [30, с. 132—133]), готском

⁵ Речь идет об именах мужского и женского родов с основой на *(j)o-.

(имена с основой на *jo-, например, *harjis* «войско» *hairdeis* «пастух», ном.-ген. ед. ч.), ведийском (например, *ve-s* «птица», ном.-ген. ед. ч., помимо обычного ном. ед. ч. *vi-s* [31, с. 362]).

По другой гипотезе, также объясняющей происхождение сигматического номинатива, форма генитива ед. ч. приобретает атрибутивное употребление (ср. и.-е. ном. ед. ч. **iātér* «врач» и соответствующую ей форму ген. ед. ч. **iātrós* «врачебный, относящийся к врачу»). Подобная форма, употребляющаяся как прилагательное, затем может снова быть субстантивирована и переосмыслена в номинатив [32, с. 250—263]. Возможную аналогию атому явлению можно усмотреть в использовании хеттской формы ген. ед. ч. *waštul-aš* (от *waštul* «грех») в значении «грешник» или формы ген. ед. ч. *tayazil-aš* (от *tayazil* «кража») в значении «вор» [22, с. 123].

Сходные процессы наблюдаются и в литовском языке, где в некоторых случаях подлежащее, выраженное номинативом, может замещаться именем в генитиве, ср.: (а) *Cinoko dūr neišvirė, o Baltaragio jāi susėdo vālgyti* «Цинокасы (ген. ед. ч.) еще не закончили готовить, а Бальтарагисы (ген. ед. ч.) уже сели есть» или «У Цинокасов еще..., а у Бальтарагисов уже...» [33, с. 290]; (б) *Kaimynai jāi ir linūs nurėvė, ir ropūtės nūkasė, o mūsu dūr, antai vasarėjus aīl laiūko* «У соседей [на ферме] (ген. мн. ч.) уже даже лен собрали и картошку выкопали, а у нас-то (ген. мн. ч.) урожай еще не снят». Согласно Академической грамматике литовского языка, генитив в этих предложениях можно заменить на номинатив без какого-либо изменения смысла [33, с. 291]. Так, вместо (б) возможно (в) *Kaimynai jāi ir linūs nurėvė...* «Соседи (ном. мн. ч.) уже лен собрали...».

Итак, источником конечного *-s, ставшего затем одним из показателей номинатива ед. ч., послужили в праязыке имена с основой на *-o-. Преобразование, о котором идет речь, носило постепенный характер и так и не завершилось окончательно. Скажем, хеттские личные имена иногда выступают с конечным -š, а иногда без него; обычно это объясняется аккадским влиянием [34, с. 99], однако нам кажется, что это необязательно так. А. Чикобава [35, с. 228] отмечает, что в древнегрузинском неопределенный падеж личных имен первоначально использовался там, где эти имена выступали в функции субъекта. Действительно, в предложении *Abraam/*Abraam-man šva Jsaak* «Авраам родил Исаака» имя субъекта оформлено неопределенным падежом, а не эргативом.

Суммируем сказанное. Праиндоевропейское состояние можно признать типологически не совсем обычным постольку, поскольку имеется как ненулевой показатель субъекта (в том числе — показатель номинатива *-s), так и ненулевой показатель объекта (в большинстве случаев это показатель аккузатива *-m). Однако ненулевое оформление имен не распространяется последовательно на все синтаксические конструкции языка. Что касается конструкций с нулевым оформлением номинатива и с аккузативом на *-m, то они, по нашей гипотезе, возникают на основании номинативно-аккузативной (<абсолютивно-косвеннообъектной) конструкции с глаголом-сказуемым в форме презенса. Конструкции же с сигматическим номинативом и нулевым оформлением аккузатива, по-видимому, развиваются из эргативной конструкции, типичной для претерита. Праиндоевропейский исходно представлял собой эргативный язык смешанного типа; в ходе дальнейшего развития он полностью стал номинативным. Черты первоначальной эргативности, возможно, сохраняются в некоторых современных индоиранских языках.

В презенсе (или в системе несовершенного вида) наиболее существенными членами предложения являются элементы, выражающие действие как таковое и его исполнителя. Для системы претерита (или системы совершенного вида) важнее всего результат действия и объект (цель) этого действия. Соответственно, в презенсе (несовершенном виде) немаркированным остается исполнитель действия, в претерите же (совершенном виде) — объект (цель) действия.

Перевела с английского Полинская М. С.

1. Kortlandt F. I.-E. palatovelars in Balto-Slavic.— In: Recent developments in historical phonology. Ed. by Fisiak J. The Hague—Paris, 1978.
2. Plank F. Ergativity, syntactic typology and universal grammar.— In: Ergativity. Ed. by Plank F. London—New York, 1979.
3. Schwyzler E. Zum persönlichen Agens beim Passiv, besonders im Griechischen. Berlin, 1942.
4. Schmalstieg W. R. New thoughts on Indo-European phonology.— KZ, 1973, Bd. 87.
5. Schmalstieg W. R. Indo-European linguistics: a new synthesis. University Park—London, 1980.
6. Benveniste E. La construction passive du parfait transitif.— BSLP, 1952, t. 48 (русс. пер.: «Пассивное оформление перфекта переходного глагола». — В кн.: Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1974).
7. Сазокия М. М. Сопоставительный анализ форм посессивности и переходности в древнеперсидском, древнеармянском и древнегрузинском языках.— В кн.: Языки зарубежного Востока. М., 1977.
8. Ambrazas V. Lietuvių kalbos dalyvių istorinė sintaksė. Vilnius, 1979.
9. Hirt H. Indogermanische Grammatik. Tl. 4. Heidelberg, 1928.
10. Burrow T. The Sanskrit language. Glasgow, 1965 (русс. пер.: Барроу Т. Санскрит. М., 1976).
11. Ruipérez M. Some remarks on the Mycenaean verbal ending *-toi-*—Minos, 1968, v. 9.
12. Krause W., Thomas W. Tocharisches Elementarbuch. Bd. I. Heidelberg, 1960.
13. Sturtevant E. A comparative grammar of the Hittite language. New Haven — London, 1951.
14. Thurneysen R. A grammar of Old Irish. Dublin, 1946.
15. Cowgill W. The origins of the insular Celtic conjunct and absolute verbal endings.— In: Flexion und Wortbildung. Hrsg. von Rix H. Wiesbaden, 1975.
16. Collitz H. Die Herkunft des schwachen Präteritums der germanischen Sprachen.— The American journal of philology, 1888, v. 9.
17. Godel R. An introduction to the study of classical Armenian. Wiesbaden, 1975.
18. Whitney W. D. The roots, verb-forms and primary derivatives of the Sanskrit language. Leipzig, 1885.
19. Елизаренкова Т. Я. Эргативная конструкция в новоиндийских языках.— В кн.: Эргативная конструкция предложения в языках различных типов. Л., 1967.
20. Kerns J. A., Schwartz B. A sketch of the Indo-European finite verb. Leiden, 1972.
21. Schwyzler E. Griechische Grammatik. Bd. 2. München, 1966.
22. Friedrich J. Hethitisches Elementarbuch. I. Heidelberg, 1960.
23. Paul H. Prinzipien der Sprachgeschichte. Halle, 1920 (русс. пер.: Пауль Г. Принципы истории языка. М., 1960).
24. Paternost J., Schmalstieg W. R. Slovanski edninski rodilnik kot izvor dejanja pri deležnikih na *-no-* in *-to-*— Jezik in slovstvo, 1977, t. 22, № 5.
25. Schmalstieg W. R. Indo-European linguistics. A new synthesis. University Park — London, 1980.
26. Gotqb Z. Endocentricity and endocentrization of verbal predicates: illustrated with Latin and Slavic material.— General linguistics, 1975, v. 15, № 1.
27. Bogoljubov M. N. Typological parallels of the Old Armenian perfect with a transitive verb.— In: Abstracts of the international symposium on Armenian linguistics. Erevan, 1982.
28. Климов Г. А. Склонение в картвельских языках в сравнительно-историческом аспекте. М., 1962.
29. Климов Г. А. Аномалии эргативности в лазском (чанском) языке.— Philologia orientalis, 1976, v. 4.
30. Иванов В. В. Хеттский язык. М., 1963.
31. Specht F. Der Ursprung der indogermanischen Deklination. Göttingen, 1947.
32. Villar-Liebana F. Origen de la flexión nominal indoeuropea. Madrid, 1974.
33. Ulvydas et al. Lietuvių kalbos gramatika. 3. Vilnius, 1958.
34. Kronasser H. Vergleichende Laut- und Formenlehre des Hethitischen. Heidelberg, 1956.
35. Чикобава А. С. Историческое взаимоотношение номинативной и эргативной конструкции по данным древнегрузинского языка.— ИАН ОЛЯ, 1948, № 3.